

О коррекции некоторых положений теоретической экономики

А. Я. Рубинштейн

Институт экономики РАН (Москва, Россия)

Показано, что продолжение дискуссии об индивидуализме и холизме может иметь более общее научное обоснование на основе мультидисциплинарного подхода и достижений современной философии и социологии. В результате введения в экономическую теорию принципа методологического релятивизма и выделения четырех относительно самостоятельных релятивистских доктрин представлены особенности релятивистской методологии, опирающейся на два фундаментальных положения — о невозможности существования объективно нейтральных критериев выбора между конфликтующими альтернативами, а сами эти альтернативы возникают в условиях разных культурных контекстов. Важным следствием такого подхода стали новые результаты исследований в области теории опекаемых благ — части экономики, где в финансировании производства товаров и услуг, имеющих социальную полезность, участвует государство. Доказана необходимость в дефиниции общественных благ возврата к строгой дихотомии (по Самуэльсону) и введена новая категория «нормативно-общественные блага», свойства неисключаемости и неконкурентности которых приобретаются в процессе целенаправленных действий государства, в предельном случае политики мериторизации частных товаров и услуг. К новым результатам относятся также построение для опекаемых благ модели равновесия, важным следствием которой является обоснование альтернативной экзегетики «треугольника Харбергера», ставшей теоретическим доказательством, реабилитацией категории бюджетной субсидии.

Ключевые слова: индивидуализм, холизм, релятивистская методология, индивидуальная полезность, социальная полезность, опекаемые блага, бюджетная субсидия, треугольник Харбергера.

JEL: A14, B41, D50, D78, H10, H41.

Рубинштейн Александр Яковлевич (arubin@aha.ru), д. ф. н., заслуженный деятель науки РФ, проф., руководитель научного направления «Теоретическая экономика» ИЭ РАН.

Введение

Экономическая теория неодинаково трактовала активность государства, к концу XIX в. обозначились два канона в интерпретации ее первопричины — общественного интереса. Германская традиция, постулируя интерес общества как такового (*холизм*), признала категорию «коллективные потребности» в качестве фундаментальной основы знаменитой «немецкой финансовой науки». Английская традиция, наоборот, отрицала возможность существования общественных интересов, отличных от комбинации предпочтений индивидуумов (*индивидуализм*). В XX в. дискуссии об индивидуализме и холизме развернулись с особой силой, вызвав интерес у представителей философской науки (см.: Тейлор, 2001; Витгенштейн, 1994) и теоретической социологии (см.: Agassi, 1973; Giddens, 1984, Бхаскар, 1991; Крозье, 1993; Touraine, 2005).

В отношении этой дискуссии выскажу апостериорный комментарий. Исходя из современной теории и связанного с ней междисциплинарного подхода, следует констатировать, что здесь «прячутся» два вопроса. Во-первых, как общественные интересы связаны с интересами индивидуумов, составляющих общество, и можно ли всегда предполагать наличие такой связи? Во-вторых, может ли существовать объективно нейтральный критерий для определения «правильности» одной из альтернативных методологий, возникающих из разных экономических контекстов? Вопросы эти появились не сегодня и даже не вчера, возвращая к дискуссии об индивидуализме и холизме.

Анализ современных философских концепций и результатов теоретической социологии (см.: Рубинштейн, 2025а, 2025b) косвенно указывает на наличие общего ответа на второй вопрос. Судя по всему, сама логика и результаты рассуждений опираются на *латентную установку* исследователей об отсутствии объективного критерия для выбора «правильной» методологии, что создает серьезные предпосылки для завершения дискуссии «индивидуализм vs. холизм». Способствует этому введение в экономическую теорию нового принципа, «уравнивающего в правах» индивидуальные предпочтения и интересы государства, который был назван *методологическим релятивизмом* (см.: Рубинштейн, 2025а).

О релятивистской методологии

Теоретическое описание релятивистской методологии — не простая задача хотя бы потому, что категория «релятивизм» не представляет собой единую философскую концепцию. Это не одна, а несколько относительно разных доктрин, объединенных в основном тем, от чего они отказываются: абсолютизм, универсализм и монизм. Рассматривая историю релятивизма, нетрудно увидеть переплетение принципиально разных положений. И как замечает ирландский философ М. Баграмян, участники дискуссий на темы релятивизма, часто не имеют «четких представлений о том, что именно они обсуж-

дают» (Baghranian, 2004. P. 1; здесь и далее перевод мой. — А. Р.). Не вполне соглашаясь со столь строгим вердиктом, выделю четыре, на мой взгляд, относительно самостоятельные и несильно пересекающиеся доктрины релятивизма (см.: Рубинштейн, 2025а).

Ключевым в *культурном релятивизме* является положение о том, что не может быть нейтральных критериев, обеспечивающих определение правильного выбора для конфликтующих утверждений, возникающих в условиях *разных* культурных контекстов (см.: Westermarck, 1912; Baghranian, 2004). *Концептуальный релятивизм* — это, с одной стороны, более узкая, с другой — более общая его форма, относящаяся к научным парадигмам или методологиям. Здесь акцент сделан на принципиальном отсутствии универсальных критериев для решения вопроса, какая концептуальная схема более уместна (см.: Putnam, 1987).

Социальный конструктивизм является еще одной формой релятивизма, базирующейся на утверждении, что различные социальные условия определяют построение различных «миров» и не существует нейтрального критерия для суждения о том, какой из них более полезен. Особенность этой формы релятивизма отражает утверждение, что «контекстуально разные конструкции несут на себе ситуативную обусловленность» (Knorr-Cetina, 1984. P. 226). *Постмодернизм* в своей форме релятивизма постулирует, что истина не является объективным и не зависящим от разума свойством, которое можно выявить, но создается посредством социальных взаимодействий (см.: Rorty, 1982).

Что же объединяет относительно различные формы релятивизма и, главное, почему ряд положений этой философской доктрины стали для меня важным этапом исследования экономических методологий, основанных на индивидуализме и холизме? Дело в том, что в результате подробного знакомства с философской литературой, посвященной релятивизму, я осознал *достаточность* двух близких мне принципов: невозможно существование объективно нейтральных критериев выбора между конфликтующими альтернативами и эти альтернативы возникают в условиях разных контекстов, в формировании которых главную роль играет человеческий разум. И в этом смысле «разумотворность» индивидуализма и холизма обуславливает их равноправие.

Следует подчеркнуть, что, при утрате статуса «единственно правильных», индивидуализм и холизм сохраняют свой смысл и значение, но только в рамках определенных контекстов и, подчеркну особо, строгих ограничений использования соответствующих методологий. Так, основой экономического анализа множества частных товаров и услуг, обладающих исключительно индивидуальной полезностью, остается принцип методологического индивидуализма, в качестве контекста выступает неоклассическая методология.

Анализ совокупности благ, имеющих лишь социальную полезность, требует холистической методологии. Относится данное заключение и к *релятивистской методологии*, для использования которой характерны свои ограничения, связанные со способностью соответствующих товаров и услуг удовлетворять потребности индивидуумов и государства. Наличие у этих благ социальной полезности обуслов-

ливают иной контекст, в качестве которого выступает теория общественного выбора (см.: Рубинштейн, 2025b).

С учетом релятивистской методологии уместно обсуждать и новые результаты исследований части экономики, где в финансировании производства товаров и услуг, имеющих социальную полезность, участвует государство. В этом смысле анализ опекаемых благ на основе методологического релятивизма определил новый этап в развитии теории общественных и мериторных благ.

Общественные и мериторные блага

В каждой исторической эпохе и во многих странах существовали различные виды опекаемых благ: «хлеб и зрелища» в античные времена, продовольственные карточки во время Второй мировой войны, тропические фрукты в Скандинавских странах в наше время. Можно назвать другие примеры, и многие исследователи задаются вопросом, почему государство расходует весьма значительные средства на финансирование продуктов научной деятельности, образования и здравоохранения, произведений искусства.

По моему мнению, в данном сегменте теоретической экономики особых изменений не произошло. Как и раньше, привычным является вмешательство государства в ситуациях «провалов рынка». Понятно, что продукты, генерирующие рыночные провалы и вызывающие государственную активность, направленную на их устранение, можно отнести к классу опекаемых благ, но также ясно, что вся совокупность этих особых товаров и услуг не может быть сведена к изъяснимым рыночной экономики.

Еще одна попытка ответить на поставленный вопрос связана с выделением и теоретическим описанием одной из разновидностей «опекаемых благ» — общественных товаров, особые свойства (неисключаемость и несоперничество) которых мотивируют государственную активность. Указанные обстоятельства, собственно, и побуждают государство брать на себя предоставление общественных благ. Однако и в данном случае даже самая широкая трактовка общественных товаров не позволяет «втиснуть» в эту группу другие виды опекаемых благ, например такие продукты бюджетной сферы, как образовательные услуги или социальное обеспечение. Здесь также надо сделать небольшое отступление.

Общественные блага: дихотомия vs. континуум. Приведу два высказывания, характеризующих содержательно разные контексты. Так, Д. Юм обратил внимание на то, «что два соседа могут согласиться осушить поле, но тысяча людей не могут этого сделать, так как каждый будет пытаться переложить все бремя на других» (Musgrave, 1996. P. 145; Юм, 2021). Й. Шумпетер обозначил иной феномен: «Мы не имеем в виду одно и то же, когда говорим об „общественном благе“ просто потому, что наши культурные воззрения, опираясь на которые должно определяться общественное благо, в каждом конкретном случае безнадежно расходятся» (Шумпетер, 2004. С. 806). В этих формулировках мыслителей разных эпох нашли отражение принци-

пиально отличающиеся контексты и подходы к определению общественных товаров. В первом случае в качестве их признака выступают *особенности потребления* коллективных благ (по Юму). Во втором случае речь идет об *особенностях понимания* самой категории этих благ, его зависимости от «культурных воззрений» (по Шумпетеру).

В классическом определении общественных благ (см.: Samuelson, 1954) выделены два главных признака: четкая *дихотомия* общественных и частных благ, а также одновременность их потребления более чем одним индивидом. Масгрейв, ориентируясь на проблемы общественных финансов, отвергал такую дихотомию и отказывался от принципа одновременности потребления общественных товаров. При этом с момента введения в научный оборот свойства несоперничества (см.: Musgrave, 1983) понятия «соперничество», «несоперничество», став вариативными, ранжируются от полного соперничества до полного несоперничества.

В итоге, в противовес дефиниции П. Самуэльсона, в мейнстриме получил распространение *принцип континуума* (см.: Musgrave, 1959, 1969), следствием чего стало отсутствие однозначности в определении общественных благ. Полагая, что свойства неисключаемости и несоперничества могут проявляться в разной степени и четкой границы между частными и общественными благами не существует, ряд экономистов допускают возможность существования различных видов общественных благ. Речь идет о чисто общественных благах, удовлетворяющих двум условиям — неисключаемости и несоперничества в потреблении (см.: Стиглиц, 1997), или в иной версии, когда «оба свойства присущи в высокой степени» (Якобсон, 2000. С. 41), и о смешанных общественных благах, когда «хотя бы одно из свойств выражено в умеренной степени» (Якобсон, 1996. С. 42). Используя категорию «чисто общественные блага», удовлетворяющие двум указанным свойствам, Дж. Стиглиц и Э. Аткинсон также отмечают, что «многие товары имеют одно или другое свойство в разной степени» (Стиглиц, 1997. С. 124; Аткинсон, Стиглиц, 1995. С. 654). Встречается и понятие квазиобщественных товаров, которые «хотя бы отчасти носят общественный характер» (Блауг, 1994. С. 550).

О «*новой мериторике*». Особая ситуация характерна для подкласса опекаемых благ — совокупности мериторных благ. К ней, согласно Масгрейву, относятся товары и услуги, спрос на которые со стороны частных лиц отличается от спроса общества, соответствующего его нормативным установкам (см.: Musgrave, 1959, 1996). Нетрудно найти примеры разных мериторных благ, но невозможно все виды опекаемых благ описать только с помощью мериторики. Достаточно назвать инновационные продукты и результаты «шумпетерианской экономики», обеспечивающие стабильный экономический рост (см.: Нельсон, Уинтер, 2002).

В рамках мейнстрима мериторика не получила общего признания. Одним из аргументов неприятия этой концепции был справедливый упрек в незнании государством «истинных предпочтений» индивидумов, которые оно стремится реализовать. Представляется, что это, действительно, ахиллесова пята мериторики, которую ее создатель

Масгрейв позиционировал в качестве одного из направлений стандартной теории, опирающейся на методологический индивидуализм.

С релятивистских позиций не кажется убедительной и аргументация Дж. Бьюкенена, по мнению которого индивидуумов следует рассматривать как единственный и даже «исключительный источник оценок». В этом ряду и попытки Дж. Хеда примирить мериторику с методологическим индивидуализмом, и анализ М. Титцеля и К. Мюллера, оспаривающих позицию Хеда, да и сама мериторика Масгрейва базируется на предположении о наличии двух систем индивидуальных предпочтений. И как бы исследователи ни выстраивали их иерархию (см.: Thaler, Shefrin, 1981), речь всегда идет о двойственности предпочтений, об истинных и ложных предпочтениях индивидуумов.

В этой ситуации фактические предпочтения оказываются всегда ложными, а истинные предпочтения имеют исключительно «рефлексивный характер» (см.: Brennan, Lomasky, 1983), о них государство «может иметь лишь смутные представления» (Schmidt, 1988. P. 384). Здесь и приходится поворачивать вспять и мириться с тем, что индивидуумы не являются «исключительным источником оценок». Ибо чтобы понять, какие из индивидуальных предпочтений искаженные, нужно иметь другой источник оценок. Очевидно, что круг замыкается весьма неприятной логической петлей.

Исходя из современного понимания, можно утверждать, что негативные аспекты мериторики относятся не к самой концепции, а к попыткам ее строго индивидуалистического оправдания, традицию которых заложил сам Масгрейв. Сегодня можно уже сказать, что сформулированная им исходная дилемма между ложными и истинными предпочтениями индивидуумов, по существу, сама ложная. И вслед за релятивистским утверждением В. Парето повторю, что каждый человек является наилучшим судьей своего благосостояния. В этом смысле предпочтения индивидуумов всегда истинны.

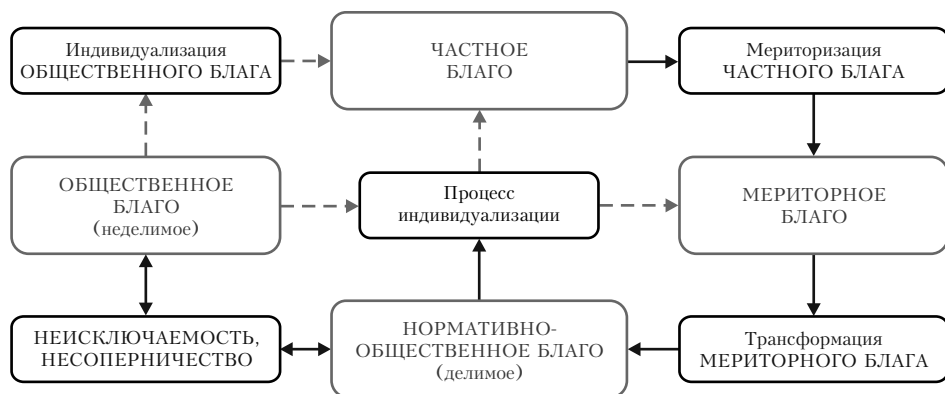
После многих личных бесед с Масгрейвом я убедился, что с мериторикой этого выдающегося экономиста связана совершенно иная проблема, обусловленная самой природой государственной активности. Я исхожу из того, что у государства в соответствии с методологическим релятивизмом есть свой автономный интерес, который не может быть представлен в виде комбинации индивидуальных предпочтений.

В этом смысле релятивистская методология создает предпосылки для формирования «Новой теории мериторных благ» (см.: Рубинштейн, 2024). Дело в том, что институциональная среда не всегда позволяет индивидуумам видеть выгоды от потребления определенных товаров и услуг, порождая интерес общества, реализуемый посредством *мериторизации* частных благ.

Полагаю, что разного рода «смешанные блага», опирающиеся на принцип континуума, не являются достижением экономической теории, и, скорее всего, указывают на ее «уступки» из-за нерешенности ряда проблем. Исходя из релятивистской методологии и политики мериторизации, можно с иных позиций рассмотреть дискуссию Самуэльсона и Масгрейва в отношении дихотомии и континуума общественных товаров и услуг.

В зависимости от нормативных установок, обусловленных стремлением государства расширить доступность соответствующих товаров и услуг, степень мериторизации может увеличиваться. Следует особо выделить предельный случай, когда государство, стремясь максимально увеличить потребление некоторых благ, создает *специальные условия* для обеспечения их полной доступности. В этой ситуации указанные товары и услуги трансформируются в «нормативно-общественные блага» (рис. 1).

Общая схема трансформации блага

Источник: составлено автором.

Рис. 1

Используя предложенную дефиницию, следует подчеркнуть, что, в отличие от классических общественных товаров, неделимых по своей природе и исходно обладающих свойствами неисключаемости и несоперничества в потреблении, нормативно-общественные блага, оставаясь делимыми, указанные свойства приобретают в результате мериторных действий государства, направленных на достижение соответствующих целевых установок общества, формируемых политической системой. Мериторные, нормативно-общественные и классические общественные блага в результате утраты их социальной полезности и прекращения государственного финансирования трансформируются в обычные частные блага. Что же касается индивидуализации общественных товаров и, наоборот, трансформации нормативно-общественных в классические общественные блага, то здесь необходимы специальные меры.

Описание общего процесса трансформации позволяет утверждать, что вся совокупность товаров и услуг может быть разбита на четыре группы: *частные, мериторные, нормативно-общественные и классические общественные блага*. Нетрудно понять, что в этом случае исчезает сомнительная практика выделения различных видов смешанных товаров и услуг. Они полностью входят в группу мериторных благ, являющихся делимыми и обладающих индивидуальной и социальной полезностью. Дополняют частные и мериторные блага классические общественные и нормативно-общественные блага с исходно присущими или приобретенными свойствами неисключаемости и несоперничества

в потреблении. Этот важный вывод, вносящий определенные коррективы в теорию общественных товаров, я также отношу к новым результатам исследования.

Модель равновесия для опекаемых благ. Следует отметить, что релятивистская методология стала платформой для теоретического описания возможности объединить неоклассический позитивизм с нормативными интересами государства, построив соответствующую модель равновесия, учитывающую индивидуальную и социальную полезность опекаемых благ. Не повторяя выкладки, которые впервые были представлены при обосновании данной модели (см.: Рубинштейн, 2009), обозначу два разных интереса в виде функций полезности U_I и U_N . Один из них представляет собой рыночный агрегат индивидуальных предпочтений, трансформируемых механизмом невидимой руки в интерес «мегаиндивидуума»: $U_I = f(U^1, U^2, \dots, U^n)$, где U^i — функция полезности i -го индивидуума. Другой — нормативный интерес U_N , формируемый в границах и посредством политической системы.

При этом всякий нормативный интерес U_N может быть выражен без ограничения общности в виде потребности государства в увеличении объема производства некоего блага G по отношению к величине, которая соответствует стандартному рыночному равновесию, то есть равенству предложения и индивидуального спроса на это благо. Иными словами, интерес U_N проявляется в форме дополнительного спроса, предъявляемого государством в отношении блага G , являющегося объектом общественной опеки.

При реализации интереса U_N , то есть при производстве и потреблении блага G в объеме G_N , наблюдаются два результата: наряду с удовлетворением потребностей индивидуумов имеет место достижение интересов их совокупности в целом. Это означает, что общий объем опекаемого блага входит одновременно в одинаковом количестве в рыночный агрегат функций полезности мегаиндивидуума и функцию полезности государства. Без потребления блага G индивидуумами не может удовлетворяться нормативный интерес государства, и чем в большей степени он реализуется, тем больше достается индивидуумам.

Как было доказано ранее (см.: Рубинштейн, 2009), опекаемое благо G в этом случае проявляет два известных свойства — неисключаемости и несоперничества, то есть оно превращается в общественный товар, который мегаиндивидуум и государство потребляют совместно и в равном количестве. Общий вывод может быть сформулирован в следующей важной лемме: «Если индивидуумы из множества N имеют предпочтения U^1, U^2, \dots, U^n в отношении частного товара G и их агрегированный посредством рыночного механизма интерес мегаиндивидуума $U_I = f(U^1, U^2, \dots, U^n)$ дополняет нормативный интерес государства U_N в отношении этого блага, то само благо G приобретает некую двойственность: оставаясь частным благом для индивидуумов из множества N , оно выступает в качестве общественного товара для носителей интересов $U_I(G)$ и $U_N(G)$ » (Рубинштейн, 2024. С. 192).

Размышляя о равновесии с учетом интересов индивидуумов и государства, нетрудно понять, что построение соответствующей модели сопряжено с определением величины совокупного спроса на опекаемое

благо. При этом очевидно, что неоднородность интересов мегаиндивидуума и государства не допускает простого суммирования объемов потребления опекаемого блага участниками этой пары. Выход из создавшейся ситуации подсказывает приведенная выше лемма. Из нее непосредственно вытекает возможность модификации известной модели равновесия Викселля—Линдаля для общественных товаров с характерным для нее вертикальным суммированием функций спроса (см.: Lindahl, 1919/1967), но применительно ко всему классу опекаемых благ.

Устанавливаемые государством объем опекаемого блага G_N и цена P_N , по которой оно оплачивает достижение своего интереса U_N , зависят от цены P_I , по которой мегаиндивидуум готов приобретать этот суммарный объем данного блага. Легко заметить, что такая модификация базовой модели не меняет общего вывода: совокупный спрос определяется путем вертикального суммирования кривых спроса мегаиндивидуума и государства, а Парето эффективное равновесие для данной пары игроков, имеющих персональные интересы в отношении опекаемого блага G_N , реализуется в форме равновесия Викселля—Линдаля.

В предложенной модификации модели Викселля—Линдаля (Рубинштейн, 2024) цены равновесия имеют разную природу. В основе персонализированной цены мегаиндивидуума P^I лежит предельная индивидуальная полезность частного блага G ; цена, оплачиваемая государством P_N , также соответствует предельной, но уже социальной полезности опекаемого блага G и отражает часть бюджетных ресурсов государства, которая расходуется на реализацию социального интереса U_N . Иными словами, равновесие достигается, когда предельные издержки уравниваются суммой предельной индивидуальной и предельной социальной полезности блага:

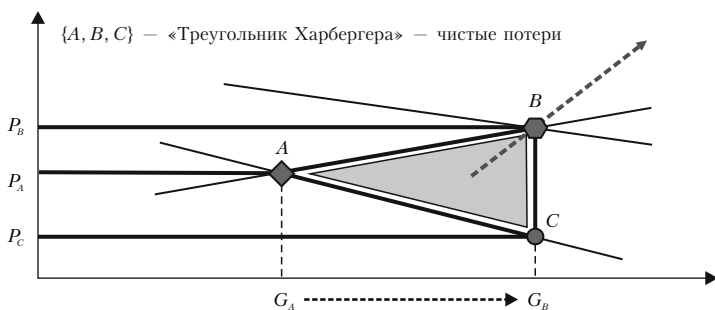
$$MC_R = MU_I + MU_S.$$

Экзегетика «треугольника Харбергера»

Одним из главных инструментов мериторизации частных товаров и услуг (в общем случае опекаемых благ) являются бюджетные субсидии, методология и практика определения которых почти не изменились. Не будет преувеличением и общая констатация, что в основном русле экономической теории субсидия осталась неопределенной категорией, а в практике органов власти, финансирующих опекаемые блага, бытует термин «поддержка», несущий в себе не свойственные государству черты благотворительности. Способствует этому и «застрявший» в модели равновесия частных благ «треугольник Харбергера», который толкуется в качестве «чистых потерь» (см.: Harberger, 1964; James, 1999).

Такая экзегетика основана на использовании стандартной модели равновесия частных благ (рис. 2). В этой модели выигрыш производителей в результате субсидирования роста объема производства блага равен площади четырехугольника $\{P_A, P_B, B, A\}$; выигрыш потребителей в результате снижения цен при субсидировании роста объема производства блага — четырехугольника $\{P_A, A, C, P_C\}$. Разность между расходами бюджета $\{P_C, C, B, P_B\}$ и общим выигрышем произ-

«Треугольник Харбергера»

Источник: James R., 1989. P. 169.

Рис. 2

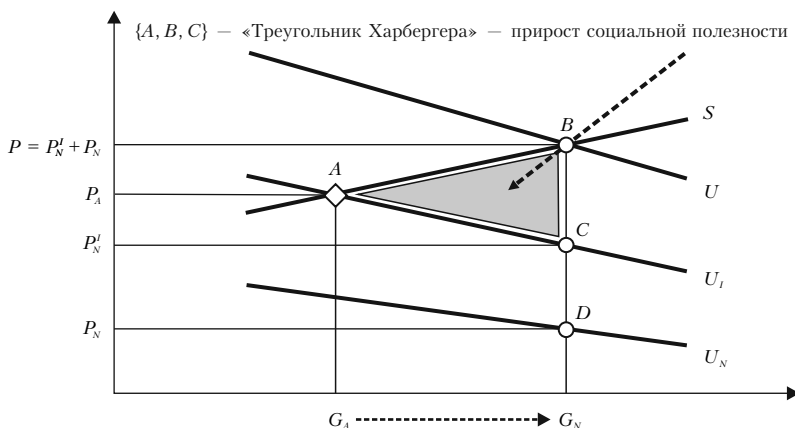
водителей и потребителей равна площади треугольника $\{A, B, C\}$, который обычно интерпретируется в качестве «чистых потерь».

Подобный вердикт вызывает ряд важных теоретических вопросов. Каковы экономические причины предоставления субсидий производителям определенных товаров и услуг? Из каких соображений, исключая не свойственную ему благотворительность, государство тратит бюджетные средства? Если предположить, что причины подобных расходов кроются в нормативных интересах государства, то могут ли они быть отражены в неоклассической модели равновесия? Допуская, что такие интересы существуют и связаны с установкой на увеличение доступности некоторых благ, в этом случае они должны соответствовать определенным потребностям государства, что обуславливает наличие их социальной полезности.

Однако такие товары и услуги, как было показано, должны принадлежать одной из групп мериторных, или нормативно-общественных, или классических общественных благ, к которым не может быть применена модель равновесия для частных товаров и услуг, не имеющих социальной полезности. Этот вывод заставляет думать об ошибочности распространенной трактовки «треугольника Харбергера». В сложившейся ситуации такая экзегетика Харбергера напоминает известные поиски в темной комнате черной кошки, которой там нет.

Для содержательно корректной интерпретации «треугольника Харбергера» необходимо в соответствии с релятивистской методологией использовать модель равновесия для опекаемых благ, имеющих, по определению, индивидуальную и социальную полезность, учитывая тем самым интересы государства, с которыми непосредственно связана бюджетная субсидия (рис. 3). Анализ модели равновесия свидетельствует, что площадь «треугольника Харбергера», равная разности между объемом бюджетной субсидии — площадью прямоугольника $\{P_N^I, C, B, P\}$ и суммой площадей прямоугольников выигрышей потребителей $\{P_N^I, C, A, P_A\}$ и производителей $\{P_A, A, B, P\}$ в результате увеличенного объема производства опекаемых благ с G_A до G_N , представляет величину отдачи от инвестиций в опекаемые блага — прирост их социальной полезности, который с успехом обнаруживает данная модель (см. рис. 3).

Равновесие Викселля—Линдаля для опекаемого блага

Источник: составлено автором.

Рис. 3

Этот новый и важный результат исследования модели равновесия для опекаемых благ, включая обоснование категории «консолидированный доход» (см.: Рубинштейн, 2022), о котором речь пойдет дальше, отодвинули на второй план одно из самых интересных следствий данной модели — *теоретическую реабилитацию* категории бюджетной субсидии. Пусть с некоторым опозданием, но изыскания в области экономической теории объединились с другим направлением моих исследований в Институте экономики РАН. Речь идет о гуманитарном секторе — науке, образовании, культуре и здравоохранении. Одной из главных задач здесь всегда было обоснование объемов государственного финансирования в форме дотаций, а позже — бюджетных субсидий¹. И все попытки решить эту задачу постоянно наталкивались на довод о «чистых потерях» — главный аргумент неоклассической трактовки государственного финансирования «планово-убыточных организаций».

Финансирование опекаемых благ

Экономическая теория еще в середине 1960-х годов установила фундаментальную особенность государственного финансирования опекаемых благ. Речь идет о так называемой «болезни цен», или «болезни издержек», обнаруженной и описанной У. Баумолем (см.: Baumol, Bowen, 1966; Baumol, 1967). За прошедшие годы «болезни издержек» были посвящены теоретические и эмпирические исследования, результаты которых стали одним из оснований современной экономической науки (см.: Globberman, Book, 1974; Heilbrun, 2003;

¹ Эту проблему более 50 лет назад мне, студенту мехмата МГУ, обозначил руководитель планово-финансового управления Министерства культуры РФ Б. Ю. Сорочкин. Я всегда буду помнить этого прекрасного и мудрого человека, который фактически определил мою научную судьбу. Более того, мои последующие исследования в области теоретической экономики и социологии начинались с попыток найти научное решение проблемы финансирования культурных благ.

Ginsburgh, Throsby, 2006). Концептуально новый подход был заложен еще в диссертации Баумоля и окончательно оформился в его работе, посвященной проблемам «несбалансированного роста»².

Важным шагом в развитии этого направления исследований стало выделение двух частей экономики: «стагнирующих (с малыми или нулевыми темпами технического прогресса) и технологически прогрессивных экономических секторов» (Baumol, 1967). Следует особо отметить ренессанс теории Баумоля в новом столетии и расширение границ ее применения в сферах образования (Neck, Getzner, 2007) и здравоохранения (Pomp, Vujic, 2008), применительно к другим видам услуг (Fernandez, Palazuelos, 2012), а также в макроэкономических исследованиях (Nordhaus, 2008).

Обоснование этой закономерности позволило сделать заключение в отношении компенсации «выпадающих доходов» производителей опекаемых благ в стагнирующем секторе (см.: Рубинштейн и др., 2024). Речь идет о доходах, которые могли бы иметь место, если бы характер деятельности позволял внедрять технические достижения с заменой творческого труда машинами и оборудованием, обеспечивая рост производительности. Отсутствие подобных возможностей в творческой деятельности, характерной для гуманитарного сектора, генерирует активность государства, направленную на компенсацию выпадающих доходов, обуславливая формирование *консолидированного дохода* производителей соответствующих благ в виде суммы их доходов от основной деятельности и бюджетной субсидии.

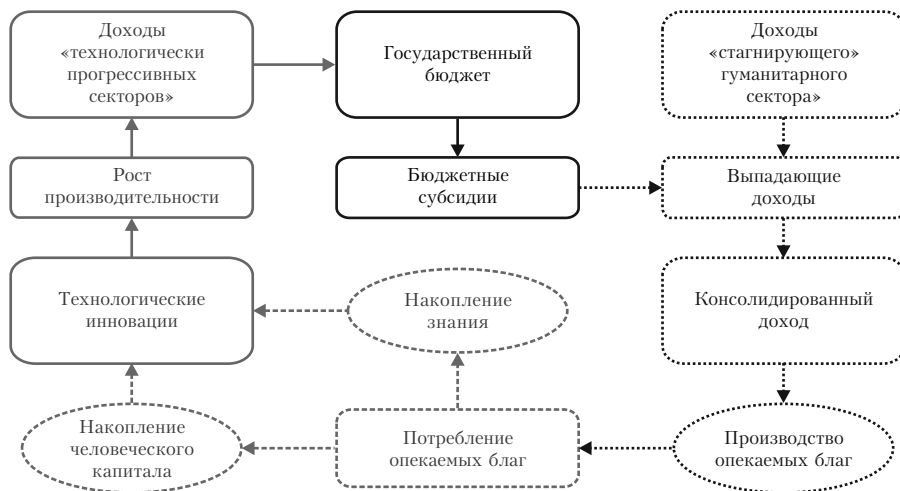
Но что представляют собой указанные расходы и каким содержанием наполнена категория бюджетного финансирования? Ответ на этот вопрос вытекает из условий равновесия для товаров и услуг гуманитарного сектора, включая производство, воспроизводство и накопление *знания* (см.: Foray, 2004; Рубинштейн, Чуковская, 2024а, 2024б), формирование *человеческого капитала* (рис. 4), в том числе связанное с «досугово-образовательными практиками» (см.: Бурдые, 2001; Stebbins, 2017; Тихонова и др., 2023) и склонностью к здоровьесберегающему поведению (см.: Grossman, 1972; Чубарова, 2023).

Приведенная схема позволяет сделать общее заключение: бюджетные субсидии производителям опекаемых благ в конечном счете трансформируются в государственные инвестиции в технологически прогрессивные секторы экономики. Это позволяет говорить о «перевод» гуманитарного сектора в группу эффективных секторов экономики, результаты деятельности которого обуславливают производство опекаемых благ, обладающих индивидуальной и социальной полезностью.

Следует отметить, что проблемы вмешательства государства в рыночные отношения, кроме рассмотрения позитивных эффектов бюджетных инвестиций в опекаемые блага, практически всегда возвращают исследователей к вопросу о решениях, связанных с механизмами выбора направления расходов государства. Учитывая, что он, как

² Диссертацию «Экономика благосостояния и теория государства» Баумоль защитил в 1949 г. в Лондонской школе экономики, издательство Гарвардского университета опубликовало ее в 1965 г. (Baumol, 1965).

Принципиальная схема полного бюджетного цикла расходов на производство опекаемых благ гуманитарного сектора

Источник: составлено автором.

Рис. 4

известно, не всегда способствует увеличению общественного благосостояния (см.: Krueger, 1990; Buchanan, Musgrave, 2000; Заостровцев, 2024), нельзя упускать из виду возникновение негативных последствий решений, обусловленных нормативными установками политической власти³. В этом случае «треугольник Харбергера» в большей степени измеряет последствия «провалов власти» и вызванные ими потери благосостояния. В предельном случае можно ожидать, что «треугольник Харбергера» почти не содержит позитивных эффектов от бюджетных инвестиций, определяя в основном даже не «чистые потери», а *отрицательную отдачу* от реализации нормативных установок власти в виде роста дополнительных расходов.

Вместо заключения

С привлечением результатов и методов исследований философии, социологии, политологии экономическая наука становится все больше мультидисциплинарной, что существенно расширяет арсенал теоретической экономики. При этом анализ и применение релятивистской методологии позволили переосмыслить ряд важных экономических сюжетов и предложить соответствующие коррективы нескольких положений теоретической экономики. В качестве итогов сформулирую три основных вывода.

Во-первых, можно с определенной уверенностью говорить о возможности завершить дискуссию «индивидуализм vs. холизм» и о на-

³ На необходимость интерпретации «треугольника Харбергера» применительно к нормативным решениям власти обратил внимание О. И. Ананьин.

личии общей логики теоретических построений, основанной на релятивистской методологии, уравнивающей в правах индивидуальные предпочтения и интересы государства. Во-вторых, выделю результаты исследования, связанные с доказательством необходимости использовать строгую (по Самуэльсону) версию общественных благ и ввести новую категорию «нормативно-общественные блага», представляющие предельный случай мериторизации частных товаров и услуг, обеспечивающей их полную доступность. В-третьих, к новым результатам относится построение для опекаемых благ модели равновесия, важным следствием которой является обоснование альтернативной экзегетики «треугольника Харбергера», ставшей теоретическим доказательством, реабилитацией категории бюджетной субсидии.

Список литературы / References

- Аткинсон Э. Б., Стиглиц Дж. Э. (1995). Лекции по экономической теории государственного сектора: Учебник. М.: Аспект Пресс. [Atkinson E. B., Stiglitz J. E. (1995). *Lectures on the economic theory of the public sector: A textbook*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).]
- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело. [Blaug M. (1994). *Economic theory in retrospect*. Moscow: Delo. (In Russian).]
- Бурдьё П. (2001). Практический смысл. СПб.: Алетея. [Bourdieu P. (2001). *The logic of practice*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russian).]
- Бхаскар Р. (1991). Общества // Социо-логос: Общество и сферы смысла. Вып. 1. М.: Прогресс. С. 219–240. [Bhaskar R. (1991). Societies. In: *Socio-logos: Society and spheres of meaning*. Issue 1. Moscow: Progress, pp. 219–240. (In Russian).]
- Витгенштейн Л. (1994). Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис. [Wittgenstein L. (1994). *Philosophical works*, Ch. I. Moscow: Gnozis (In Russian).]
- Заостровцев А. П. (2024). Государство: хищническая природа против гражданского общества // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4. С. 237–244. [Zaostrovtssev A. P. (2024). State: Predatory nature vs. civil society. *Journal of the New Economic Association*, No. 4, pp. 237–244. (In Russian).] https://doi.org/10.31737/22212264_2024_4_237-244
- Крозье М. (1993). Современное государство — скромное государство. Другая стратегия изменения // Свободная мысль. № 11. С. 35–43. [Crozier M. (1993). A modern state is a modest state. Another strategy for change. *Svobodnaya Mysl*, No. 11, pp. 35–43. (In Russian).]
- Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. (2002). Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело. [Nelson R. R., Winter S. J. (2002). *An evolutionary theory of economic change*. Moscow: Delo. (In Russian).]
- Рубинштейн А. Я. (2009). К теории рынков «опекаемых благ». Ст. II: Социодинамическое описание рынков опекаемых благ // Общественные науки и современность. № 2. С. 138–150. [Rubinstein A. Y. (2009). On theory of markets of paternalistic services. Article II: Sociodynamic description of the markets of paternalistic services. *Social Sciences and Contemporary World*, No. 2, pp. 138–150. (In Russian).]
- Рубинштейн А. Я. (2022). Патерналистское государство, академическая наука и научные журналы: теоретические заметки // Вопросы экономики. № 9. С. 139–177. [Rubinstein A. Y. (2022). Paternalistic state: Academic science and scientific journals. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 139–177. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-9-139-157>
- Рубинштейн А. Я. (2024). Общая теория опекаемых благ. СПб.: Алетея. [Rubinstein A. Y. (2024). *General theory of paternalistic goods*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russian).]

- Рубинштейн А. Я. (2025а). Экономическая социодинамика и ее наследие: четверть века спустя (Препринт). М.: Институт экономики РАН. [Rubinstein A. Y. (2025a). *Economic sociodynamics and its legacy: A quarter of a century later*. (Preprint). Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).]
- Рубинштейн А. Я. (2025b). От экономической социодинамики до релятивистской методологии // *Философские науки*, [в печати]. [Rubinstein A. Y. (2025b). From economic sociodynamics to relativistic methodology. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, [forthcoming]. (In Russian).]
- Рубинштейн А. Я., Славинская О. А., Бураков Н. А. (2024). Новая парадигма бюджетного финансирования опекаемых благ гуманитарного сектора. М.: Институт экономики РАН. [Rubinstein A. Y., Slavinskaya O. A., Burakov N. A. (2024). *New paradigm of budgetary financing of patronized benefits of the humanitarian sector*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).]
- Рубинштейн А. Я., Чуковская Е. Э. (2024а). Наука, знание и интеллектуальная собственность: десять лет спустя. Часть 1 // *Экономика и математические методы*. Т. 59, № 1. С. 5–19. [Rubinstein A. Y., Chukovskaya E. E. (2024a). Science, knowledge and intellectual property: Ten years later. Part 1. *Economics and Mathematical Methods*, Vol. 59, No. 1, pp. 5–19. (In Russian).] <https://doi.org/10.31857/S0424738824010014>
- Рубинштейн А. Я., Чуковская Е. Э. (2024b). Наука, знание и интеллектуальная собственность: десять лет спустя. Часть 2 // *Экономика и математические методы*. Т. 60, № 2. С. 5–13. [Rubinstein A. Y., Chukovskaya E. E. (2024b). Science, knowledge and intellectual property: Ten years later. Part 2. *Economics and Mathematical Methods*, Vol. 60, No. 2, pp. 5–13. (In Russian).] <https://doi.org/10.31857/S0424738824020017>
- Стиглиц Дж. Ю. (1997). Экономика государственного сектора. М.: Инфра-М. [Stiglitz J. E. (1997). *Economics of the public sector*. Moscow: Infra-M. (In Russian).]
- Тейлор Ч. (2001). Неразложимо социальные блага // *Неприкосновенный запас*. № 4. С. 7–18. [Taylor C. (2001). Indivisibly social goods. *Neprikosnovennyi Zapas*, No. 4, pp. 7–18. (In Russian).]
- Тихонова Н. Е., Латов Ю. В., Латова Н. В. (2023). Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы. М.: ФНИСЦ РАН. [Tikhonova N. E., Latov Y. V., Latova N. V. (2023). *Human capital of Russian professionals: State, dynamics, factors*. М.: FCTAS RAS. (In Russian).]
- Чубарова Т. В. (2023). Медицина и здравоохранение // *Гуманитарный сектор патерналистского государства* / Под ред. А. Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя. С. 197–223. [Chubarova T. V. (2023). Medicine and health care. In: A. Y. Rubinstein (ed.). *Humanitarian sector of the paternalistic state*. St. Petersburg: Aleteia, pp. 197–223. (In Russian).]
- Шумпетер Й. А. (2004). История экономического анализа. Т. 1. СПб.: Экономическая школа. [Schumpeter J. A. (2004). *History of economic analysis*. Vol. 1. St. Peterburg: Ekonomicheskaya Shkola. (In Russian).]
- Юм Д. (2021 [1739]). Трактат о человеческой природе. М.: АСТ. [Hume D. (2021 [1739]). *A treatise on human nature*. Moscow: AST. (In Russian).]
- Якобсон Л. И. (1996). Экономика общественного сектора. Основы теории государственных финансов. М.: Аспект Пресс. [Yakobson L. I. (1996). *Economics of the public sector. Fundamentals of the theory of public finance*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).]
- Якобсон Л. И. (2000). Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика. М.: ГУ ВШЭ. [Yakobson L. I. (2000). *Public sector of the economy: Economic theory and policy*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Agassi J. (1973). Methodological individualism. In: J. O'Neill (ed.). *Modes of individualism and collectivism*. London: Heinemann, pp. 185–212.
- Baghramian M. (2004). *The many faces of relativism*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315780153>
- Baumol W. J. (1965). *Welfare economics and the theory of the state*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Baumol W. J. (1967). Macroeconomics of unbalanced growth: The anatomy of urban crisis. *American Economic Review*, Vol. 57, No. 3, pp. 415–442.
- Baumol W. J., Bowen W. G. (1966). *Performing arts: The economic dilemma. A study of problems common to theatre, opera, music and dance*. New York: Twentieth Century Fund.
- Brennan G., Lomasky L. (1983). Institutional aspects of “merit goods” analysis. *FinanzArchiv*, Vol. 41, No. 2, pp. 183–206.
- Buchanan J., Musgrave R. (2000). *Public finance and public choice: Two contrasting visions of the state*. Cambridge, MA: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/5688.001.0001>
- Fernandez R., Palazuelos E. (2012). European Union economies facing ‘Baumol’s disease’ within the service sector. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 50, No. 2, pp. 231–249. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2011.02222.x>
- Foray D. (2004). *The economics of knowledge*. Cambridge, MA: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/2613.001.0001>
- Giddens A. (1984). *The constitution of society. Outline of the theory of structuration*. Cambridge: Polity Press.
- Ginsburgh A., Throsby D. (eds.) (2006). *Handbook on the economics of art and culture*. Amsterdam: North Holland.
- Globerman S., Book S. H. (1974). Statistical cost function’s for performing arts organizations. *Southern Economy Journal*, Vol. 40, No. 4, pp. 668–671. <https://doi.org/10.2307/1056386>
- Grossman M. (1972). On the concept of health capital and the demand for health. *Journal of Political Economy*, Vol. 80, No. 2, pp. 223–255. <https://doi.org/10.1086/259880>
- Harberger A. C. (1964). The measurement of waste. *American Economic Review*, Vol. 54, No. 3, pp. 58–76.
- Heilbrun J. (2003). Baumol’s cost disease. In: R. Towse (ed.). *A handbook of cultural economics*. Cheltenham and Northampton, MA: Edward Elgar, pp. 91–101. <https://doi.org/10.4337/9781781008003.00017>
- James R. H. (1999). Three sides of Harberger triangles. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 13, No. 2, pp. 167–188. <https://doi.org/10.1257/jep.13.2.167>
- Knorr-Cetina K. (1984). *Die Fabrikation von Erkenntnis: Zur Anthropologie der Naturwissenschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Krueger A. (1990). Government failures in development. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 4, No. 3, pp. 9–23. <https://doi.org/10.1257/jep.4.3.9>
- Lindahl E. (1967 [1919]). Just taxation – a positive solution. In: R. A. Musgrave, A. T. Peacock (eds.). *Classics in the theory of public finance*. London: MacMillan, pp. 168–176.
- Musgrave R. A. (1959). *The theory of public finance*. New York: McGraw-Hill.
- Musgrave R. A. (1969). *Fiscal systems*. New Haven and London: Yale University Press.
- Musgrave R. A. (1983). Public goods. In: E. C. Brown, R. M. Solow (eds.). *Paul Samuelson and modern economic theory*. New York: McGraw-Hill, pp. 141–156.
- Musgrave R. A. (1996). Public finance and finanzwissenschaft traditions compared. *FinanzArchiv*, Vol. 53, No. 2, pp. 145–193.
- Neck R., Getzner M. (2007). Austrian government expenditures: Wagners law or Baumols disease? *International Business & Economics Research*, Vol. 6, No. 11, pp. 49–66. <https://doi.org/10.19030/iber.v6i11.3428>
- Nordhaus W. (2008). Baumol’s diseases: A macroeconomic perspective. *B.E. Journal of Macroeconomics*, Vol. 8, No. 1. <https://doi.org/10.2202/1935-1690.1382>
- Pomp M., Vujic S. (2008). Rising health spending, new medical technology and the Baumol effect. *CPB Discussion Paper*, No. 115.
- Putnam H. (1987). Truth and convention: On Davidson’s refutation of conceptual relativism. *Dialectica*, Vol. 41, No. 1–2, pp. 69–77. <https://doi.org/10.1111/j.1746-8361.1987.tb00880.x>
- Rorty R. (1982). *Consequences of pragmatism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

- Samuelson P. A. (1954). The pure theory of public expenditure. *Review of Economics and Statistics*, Vol. 36, No. 4, pp. 387–389. <https://doi.org/10.2307/1925895>
- Schmidt K. (1988). Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern. *Journal of Contextual Economics – Schmollers Jahrbuch*, Vol. 108, No. 3, pp. 383–403. <https://doi.org/10.3790/schm.108.3.383>
- Stebbins R. (2017). *Leisure's legacy: Challenging the commonsense view of free time*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-59794-2>
- Thaler R. H., Shefrin H. M. (1981). Control. *Journal of Political Economy*, Vol. 89, No. 2, pp. 392–406. <https://doi.org/10.1086/260971>
- Touraine A. (2005). *Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui*. Paris: Fayard.
- Westermarck E. (1912). *The origin and development of moral ideas*, Vols. 1–2. London: Macmillan.
-

On the correction of some provisions of theoretical economics

Alexander Y. Rubinstein

Author affiliation: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Email: arubin@aha.ru

It is shown that the continuation of the discussion on individualism and holism can have a more general scientific justification on the basis of multidisciplinary approach and achievements of modern philosophy and sociology. As a result of introducing the principle of methodological relativism into economic theory and distinguishing four relatively independent relativist doctrines, the article presents the peculiarities of relativist methodology, which is based on two fundamental statements about the impossibility of existence of objectively neutral criteria for choosing between conflicting alternatives and that these alternatives themselves arise in different cultural contexts. An important consequence of this approach is the new research results in the field of the theory of patronized goods — that part of the economy where the state participates in financing the production of goods and services with social utility. A significant part of the work is devoted to new results: it is about proving the necessity to return to a strict dichotomy in the definition of public goods (according to Samuelson) and the introduction of a new category of “normative-public goods”, the properties of non-excludability and non-competitiveness of which are acquired in the process of purposeful actions of the state, in the extreme case of the policy of meritization of private goods and services. The new results also include the construction of an equilibrium model for patronized goods, an important consequence of which is the justification of an alternative exegesis of the Harberger triangle, which became a theoretical proof of the rehabilitation of the category of budgetary subsidy.

Keywords: individualism, holism, relativistic methodology, individual utility, social utility, patronized goods, budget subsidy, Harberger's triangle.

JEL: A14, B41, D50, D78, H10, H41.